

Национальный стиль как проявление национального языка сербов, хорватов, бошняков и черногорцев

БРАНКО ТОШОВИЧ

(Graz)

0. Вопрос о соотношении понятия литературный язык ↔ национальный язык является очень сложным и комплексным, требующий подробного толкования. Для данной темы основными являются следующие аспекты. Прежде всего, эти два понятия не совпадают: литературный язык является обработанным, образцовым, нормализованным (как правило, в письменной форме), кодифицированным, наддиалектным и престижным языком, отличающимся традиционностью, общеобязательностью, стилевой полифункциональностью, вариантностью и гибкой стабильностью, а национальный язык общим и всеохватывающим набором языковых средств, используемых одной нацией. Так как национальный язык – язык определенной нации, а литературный язык – лишь одна из его разновидностей, национальный язык является более широким понятием.

Литературный язык не является его единственной частью, так как национальный язык охватывает еще спациолекты (народную речь, диалекты, говоры), социолекты (жаргон, арг, слэнг, тайный язык), просторечие (нелитературную речь, не закрепленную за определенной социальной прослойкой и территорией, т. е. имеющую наддиалектный характер) – и всё это в письменной или устной формах. Таким образом, национальный язык – это единство литературного и нелитературного языков. Национальный язык и литературный язык отличаются и системой противопоставлений. Категориальная парадигма первого определяется типом социума (общности

людей) и состоит из языка нации, языка народности, языка рода и языка племени. Второй является частью другой парадигмы, которую образует, помимо него, спациолекты, социолекты и просторечие. Существует и треугольник: национальный язык – литературный язык – язык художественной литературы. Этот последний также имеет свою парадигму, которая большей частью соотносится с функционально-стилистической и почти совпадает с ее важнейшей разновидностью – литературно-художественной.

Национальный язык предопределен основными свойствами нации – общностью территории, экономической и культурной жизни, психологии (единый психический склад), менталитета, традиции и коммуникации. Такой язык отражает национальный дух, характер и уклад жизни. Литературный язык может иметь мононациональный и мультинациональный характер, в то время как национальный язык закрепляется за определенной нацией, причем в полиэтническом социуме он может выйти и за рамки одного этноса. В национальном отношении литературный язык часто меняет свой характер. Например, сербохорватский язык был вплоть до конца XX столетия многонациональным, общелитературным языком для четырех наций – сербов, хорватов, бошняков и черногорцев. После этого он теряет такой статус и превращается в неофициальное название общих языковых черт двух наций (сербов и хорватов), трех наций (сербов, хорватов и бошняков¹) и/ли четырех (сербов, хорватов, бошняков и черногорцев). Вместо него в официальных документах Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины и Черногории, а также в документах языковой политики и нормативных пособиях (правописаниях, грамматиках и словарях) появляются моноэтнимы: *сербский*, *хорватский*, *боснийский* язык (= в значении ‘язык бошняков’). Данные названия в настоящее время обозначают оба типа языка: литературный (стандартный) и национальный. В настоящем анализе мы не будем касаться особенностей литературной нормы каждого мононационального штокавского языка, так как главным предметом исследования являются национальные черты языка сербов, хорватов, бошняков и черногорцев и стилистические своеобразия их языков, т. е. мы попытаемся ответить на вопрос (1) какие основные характеристики национального стиля языка сербов, хорватов, бошняков и черногорцев в отдельности и (2) в чем сходятся и различаются их национальные стили.

1 *Бошняки* (*Bošnjak*, мн. ч. *Bošnjaci*) – славянское население, принявшее ислам в период с XVI по XIX вв., но сохранившее славянский, штокавский язык.

1. Если национальный язык – язык определенной нации, то национальный стиль – совокупность экспрессивных и функционально-стилистических ресурсов одного национального языка. Каждая нация развивает свою разновидность стиля, несмотря на то, какой статус имеет язык данной нации – статус (а) варианта полицентричного языка, (б) литературного языка с разработанными орфографическим, лексическим и грамматическим стандартом, (в) языка в начальной, средней или завершающей фазе кодификации, (г) официально провозглашенного или непровозглашенного языка, (д) международно признанного или непризнанного языка.

Национальный стиль не зависит от нормативного статуса языка, его общественной позиции, глоттонимической детерминации, так как все это относится лишь к одной части национального языка – литературной. Может быть спорным, дискуссионным вопрос о том, является ли данный литературный язык вариантом общего языка или отдельным языком, имеет ли он официальный статут и самостоятельную международную позицию, но никто не может оспаривать тот факт, что каждая нация имеет свои своеобразия в использовании экспрессивного потенциала языка и в функционально-стилистической дифференциации языка. Следовательно, за каждым национальным языком стоит определенный национальный стиль. Любая нация, развивающая полифункциональный язык, развивает и свой особый национальный стиль. Литературный язык и национальный стиль сходятся в том, что оба имеют выработанные нормы, но отличаются друг от друга тем, что предписания первого имеют жесткий и эксплицитный характер, а нормализация второго не требует строгой регламентации, обязательной письменной фиксации и экспликации.

2. Национальный стиль состоит из двух основных типов – литературного и нелитературного. Так как каждый стиль отличается двумя фундаментальными свойствами – экспрессивностью и функционально-стилистической окраской, национальные стили также содержат эти компоненты, но в различном объеме. Все национальные стили обладают той или иной степенью экспрессивности, но не все национальные стили отличаются функционально-стилистическим расслоением, так как функциональные стили свойственны лишь одной части национального языка – литературной (кодифицированной, стандартизированной): у спациолектов, социолектов и просторечия отсутствует функционально-стилистическая дифференциация. Только одна часть национального языка –

литературный язык обладает полифункциональностью и функционально-стилистическим разнообразием – функциональными стилями (литературно-художественным, публицистическим, научным, официально-деловым, разговорным), их подстилями и комплексами. Все другие типы национального языка являются монофункциональными (диалекты, жаргон и просторечие используются лишь в повседневном, устном общении, они не обслуживают такие области человеческой деятельности как наука, публицистика, делопроизводство и т. п.).

3. Что касается экспрессивности национальных стилей, основной вопрос гласит: как она создается? Важный является и другая проблема: насколько национальные стили отличаются друг от друга. Чтобы это выяснить, необходимо анализ разделить на две части: 1. толкование экспрессивности в рамках кодифицированной части национального языка (в его литературном стандартном языке) и 2. толкование экспрессивности в рамках некодифицированной части национального языка (в его нелитературных разновидностях – спациолектах, социолектах и просторечии). Первую экспрессивность назовем кодифицированной, вторую – некодифицированной.

4. Перед тем как перейти к анализу обеих, следует дать элементарную информацию об исследуемых языках.

Сербский, хорватский, бошняцкий и черногорский языки относятся к группе южнославянских языков. На общей (новоштокавской) диалектной основе образовались литературные языки сербов, хорватов, бошняков и черногорцев и соответственно официальные языки Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины и Черногории. Вплоть до 1990 г. язык, используемый на территории четырех тогдашних союзных республик, официально назывался *сербохорватским* или *хорватосербским*. Когда Босния и Герцеговина, Сербия, Хорватия и Черногория обрели самостоятельность, произошло изменение общественно-политической ситуации, проявившееся и в изменении на языковом и социологическом уровнях. Хорватия официально объявила государственным языком *хорватский*, а Союзная Республика Югославия (Сербия и Черногория) назвала свой язык *сербским* (одно время сосуществовал глоттоним *сербохорватский язык*). В Боснии и Герцеговине бошняки провозгласили государственным языком *боснийский*, но против этого выступили сербы и хорваты. Они исходили из того, что язык, стандартизированный на однонациональной (*бошняцкой*) основе, должен носить соответствующее

национальное название (*бошняцкий*), а не название территории, общей для бошняков, сербов и хорватов (*боснийский*). В 2007 г. в Черногории был объявлен официальным черногорский язык, а немного раньше Сербия полностью перешла на использование одночленного этнонима (*сербский язык*).

5. Кодифицированная экспрессивность штокавских национальных стилей (стилей языков сербов, хорватов, бошняков и черногорцев, основанных на одном и том же диалекте -- штокавском) большей частью совпадает, что является результатом многовековой совместной жизни и конвергентной стандартизации (в течение значительной части XIX и XX вв.), ориентированной на выработку общих норм, что в конечном итоге привело к созданию общего стандарта в форме сербохорватского языка, просуществовавшего почти на протяжении двух столетий. На возникновение различий экспрессивного характера сильно повлияла (ре-, нео)стандартизация языков сербов, хорватов, бошняков и черногорцев как особых, отдельных языков, происходившая в последних двадцать лет. Экспрессивные несовпадения между их национальными языками вызваны в первую очередь языковой политикой некоторых штокавских наций, направленной на создание и увеличение различий и там, где не было необходимости, преследуя при этом одну цель: доказать несовпадение между этими языками и подчеркнуть оправданность их выделения как самостоятельных языков, а не вариантов одного языка (сербохорватского), как это до этого практиковалась.

В такой ориентации происходят два глобальных процесса: а) нейтрализация экспрессивности и б) экспрессивизация нейтральности. Под нейтрализацией экспрессивности (деэкспрессивизацией) подразумеваем случаи, когда экспрессивные языковые средства сознательно превращаются в нейтральные, а под экспрессивизацией нейтральности – целенаправленную трансформацию нейтральных средств в экспрессивные. Оба процесса можно охарактеризовать как стилистическую депаспортизацию, причем первый из них порождает отрицательную (исчезает экспрессия), второй – положительную (создается экспрессия).

Они особенно сильно затронули хорватский литературный язык. Одной из основных характеристик хорватской языковой политики является жесткий, порой воинственный и агрессивный пуризм. В последние два десятилетия он был особенно сильно направлен против всего того, что „пахло” сербским языком и что воспринималось как „сербизм”. В такой ориентации большое количество слов, до тех пор активно использовавшееся в повседневной речи,

стало сомнительным, крамольным и оказалось под постоянным давлением. Началась широкая проверка и переоценка всего языкового материала, коллективная (внешняя) и индивидуальная (внутренняя) цензура и целенаправленное удаление того, что не было „хорватским” или казалось „нехорватским”. Все то, что указывало на сербские корни, влияние и происхождение, стало получать отрицательную окраску, в результате чего за целым рядом слов закрепилась негативная экспрессия и появились минус-экспрессемы. Из-за такой коннотации их судьба была предопределена – они должны были полностью исчезнуть из хорватского литературного языка или перейти на периферию и в глубокий тыл. Некоторые из них были до этого общеупотребительными, нейтральными и поэтому отличались большой частотностью. Теперь они (1) оказались за рамками языкового стандарта или (2) превратились в экспрессемы, как правило разговорные.

Все это тяготело к настоящей этической чистке языка и стили. Кроме такой стилистической трансформации, минус-экспрессемы получили и другую дисциплинарную окраску – в изданиях по речевой культуре, особенно в пособиях под названием *jezički savjetnici* их стали сопровождать ярлыки типа „не рекомендуется”. Параллельно проходит совсем другой процесс – „чистые” хорватские слова, выражения и конструкции, которые до этого принадлежали к пассивному пласту языка и таким образом являлись в литературном языке экспрессивными, актуализируются и выводятся с периферии употребления в его центр, в результате чего стилистически окрашенные единицы превращаются в нейтральные.

Сюда в первую очередь относятся давно забытые слова, архаизмы. Такую стилистическую актуализацию иногда поощряет и сопровождает политическая (национальная/националистическая) актуализация, которая особенно проявилась в стремлении ожить хорватский язык, созданный квислингским режимом во время так называемого Независимого государства Хорватии (в частности дать новую жизнь „усташким” словам), просуществовавшего столько, сколько и все другие фашистские режимы в Германии, Италии, Японии... (1941–1945). Если до этого такие языковые единицы являлись минус-экспрессемами, теперь они стали плюс-экспрессемами. Широкомасштабный хорватский пуризм повлек за собой еще одно изменение, касающееся экспрессивности литературного хорватского языка. Его можно вкратце охарактеризовать как борьба против синонимии. Суть такой ориентации состоит в том, чтобы из синонимических рядов полностью убрать или вытеснить все то, что не являлось „хорватским”, в результате чего оказались под ударом и совсем нейтральные

синонимические средства, зажившие в литературном языке, как родительный принадлежности, против которого главный представитель агрессивного пуризма Степан Бабич развернул массивную атаку. Стремление свести язык к формуле „одно значение → одно слово” сужает возможность выбора (как средства борьбы с монотонией), создает большие препятствия для реализации одного из основных постулатов хорошего, образцового стиля изложения – разнообразия.

6. В бошняцком языке (языке боснийских мусульман) наблюдается также антисербски направленный пуризм, но не такой широкомасштабный и агрессивный как хорватский, и не такой эксплицитный, а скрытый, подспудный: иногда предлагаются нормативные решения, которые имплицитно направлены против сербских элементов в бошняцком языке. И это, конечно, влияет на стилистическую структуру литературного языка бошняков. Например, подавляющее большинство бошняков до последней войны, начавшейся в 1992 году, использовало слова типа *opšti, opština* (типично сербские), а теперь кодификаторы этого языка навязывают всем бошнякам (иногда очень тонко, изысканно) *opći, općina* (типичные для хорватского языка), хотя они сами до этого не употребляли данные лексемы. Поэтому, в настоящее время в бошняцком языке проходит, как и в хорватском, экспрессивная переориентация.

С одной стороны, определенные нейтральные слова воспринимаются или квалифицируются как „сербизмы” и оттесняются в категорию экспрессивной (разговорной) лексики и становятся минус-экспрессемами и/ли вообще „словами-беженцами” (вынужденными покинуть исконную территорию и сферу употребления)². С другой выводятся на уровень стандартного языка единицы, имеющие до этого просторечный или диалектный характер (напр., глагол *blehnuti* ‘смотреть тупо, бессмысленно’). Целый ряд слов превращается из минус-экспрессем в нейтральные, литературные слова или плюс-экспрессемы³. При этом существует и определенный парадокс – этот славянский язык (1) отталкивается от одного очень близкого, братск-

2 Подобная ситуация наблюдается, более или менее, и в двух других языках (сербском и хорватском).

3 Из-за того, что в других штокавских литературных языках (в одном, двух, трех) они сохраняют прежнюю стилистическую маркировку, создается межъязыковая стилистическая асимметрия и дисгармония.

ого/„братского” языка (сербского) в форме удаления „сербизмов”, а (2) приближается (а) к другому близкому братскому/„братскому” языку (хорватскому) в форме привлечения „кroatизмов” или (б) к типологически и генетически очень далеким языкам в форме притяжения ориентализмов (слов из турецкого, арабского и персидского языков). Для этого не было лингвистических оснований, а были лишь политические соображения. Здесь надо добавить, что речь идет о языковой политике главных кодификаторов бошняцкого языка, а не о речевой практике, которая иногда очень резко сопротивляется такому искусственному и насильственному вмешательству, приводящему к увеличению расстояния между штокавскими языками (в ситуации, когда перевод с одного языка на другой абсолютно не нужен, так как минимум 90% лексических и грамматических единиц совпадает). Надо добавить, что среди бошняцких языковедов существуют и противники дивергенции бошняцкого языка по отношению к языкам с одной и той же диалектальной основой.

7. В сербском языке не наблюдаются радикальные изменения, подобные хорватским и бошняцким. Но и здесь происходит своеобразная национальная гомогенизация языка. Она проявляется в стремлении „сербизации сербского языка”, т. е. усилении всего того, что является типично и исконно сербским. Отсутствие выраженного, более сильного отталкивания от хорватского и бошняцкого языка влияет на отсутствие радикальных изменений в кодифицированной экспрессивности сербского национального стиля. Но одна тенденция оказывает воздействие на характер межнациональных стилистических отношений. Группа лингвистов, называемая часто радикальной, отрицает наличие хорватского и бошняцкого литературного языков и считает их лишь вариантами сербского языка. При таком толковании и подходе все то, что существует в этих двух языках, является составной частью сербского языка, даже и то, что (почти) нигде не встречается в языке сербов в Сербии, Боснии и Герцеговине и Черногории (например, кайкавизмы и чакавизмы, используемые в штокавском хорватском языке).

Результатом такой ориентации является противоположное толкование синонимии с хорватской и с сербской (радикальной) сторон: слова типа *vlak* и *voz* ‘поезд’, *kazalište* и *pozorište* ‘театр’ считаются с первой позиции (хорватской) не синонимами – семантически и стилистически тождественными или близкими в рамках одного языка – хорватского, а словами семантически тождественными

или близкими в рамках двух языков – сербского и хорватского, в то время как с точки зрения другой стороны (радикально сербской) это должны быть синонимами двух вариантов одного языка – сербского, а именно *voz* и *pozorište* относятся к словам „православного” (восточного, белградского) варианта сербского языка, а *vlak* и *kazalište* к словам „католического” (западного, загребского) варианта сербского языка. При таком подходе сербский язык значительно расширяет свой стилистический потенциал, хотя немало числа экспрессивных слов нет в употреблении на сугубо сербской территории (в самом узком смысле).

8. Некодифицированная экспрессивность штокавских национальных стилей охватывает экспрессивный потенциал всего того, что выходит за рамки стилей литературного языка. Природа данной части национальных стилей такова, что она легко или вообще не поддается (как в случае с литературной частью национального языка) внешнему воздействию и навязыванию изменений в форме общих, коллективных правил употребления и функционирования. Нелитературным национальным стилям управляют сугубо синергетические механизмы, ведущие к самоорганизации, автономному существованию и внутреннему регулированию без строгой, тем более обязательной письменной фиксации. Если литературную часть национальных языков и их стилей „курируют”, контролируют, корректируют и направляют социальные механизмы и институты, специально созданные для этих целей, в нелитературной части национальных языков и их стилей они отсутствуют. Данный факт является и основной причиной, почему в некодифицированной экспрессивности языка сербов, хорватов, бошняков и черногорцев нет радикальных тенденций и изменений, навязываемых кем- или чем-либо со стороны. Поэтому пуризм, как и любая другая форма внешней, тем более радикальной интервенции и постороннего вмешательства, характерного для литературного языка и его стилей, здесь получает очень ограниченное или почти никакое поле действия. Просто интервенция со стороны является ненужной, тем более обязательной.

Экспрессивность нелитературной части национального языка имеет одно своеобразие, связанное с перспективной наблюдением. С позиции носителей литературного языка диалектизмы, жаргонизмы и просторечные единицы воспринимаются в нем как стилистические окрашенные единицы. С такой точки зрения возникает экстракорреляционная экспрессивность, являющаяся результатом постороннего наблюдения, наблюдения не говорящими данной

разновидности национального языка. С позиции носителей спациолектов, социолектов и (наддиалектного) субстандарта (просторечия) их тип речи не преследует только или полностью экспрессивные, а коммуникативные цели, так как, скажем, (а) крестьяне говорят на своем диалекте в целях повседневного общения, (б) молодые люди используют жаргон, чтобы обособиться, выделиться в данном социуме, (в) вору создают аргументы, который был бы для посторонних (особенно правоохранительных органов) непонятным. Но это не значит, что помимо основной, сугубо утилитарной, коммуникативной, нет дополнительной ориентации, направленной на экспрессивную форму коммуникации. Скажем, молодежный жаргон является и способом оригинального, впечатляющего типа общения. Экспрессивность, возникающая на такой почве, является интракорреляционной.

Все сказанное влияет на формирование особого характера неcodифицированной экспрессивности национальных языков. Например, хорватский жаргон не изменился и не изменяется в последние двадцать лет так целенаправленно и радикально как хорватский литературный язык, а также не происходят значительные трансформации интракорреляционной (жаргонной) экспрессивности. Она в принципе находится под ударом двух тенденций, обе из которых действуют из литературной части национального языка: одна прямо направлена на вытеснение и полное исчезновение нелитературной части национального языка, вторая же посредственно (как следствие первой) на сокращение интракорреляционной экспрессивности.

9. В отличие от экспрессивности национальных стилей, имеющей двойственный характер (из-за ее литературной и нелитературной разновидностей), функционально-стилистическая дифференциация охватывает только одну часть национального языка – литературный язык. Здесь надо добавить, что функционально-стилистическое членение является основным, но не и единственным стилистическим расслоением литературного языка. Глобальная стилистическая дифференциация порождает стилелекты – особые формы выражения стилистического характера. Существуют два главных вида стилелектов: (1) стили (все типы изложения за исключением тех, которые связаны с основными видами человеческой деятельности) и (2) функциональные стили (способы выражения в отдельных сферах жизни и работы). Эти два стилелекта зарождаются в рамках дух различных типов дифференциации – стилевой и функционально-стилевой.

Мы различаем десять разновидностей общего стилистического расслоения: вертикальная, медиальная, эстетическая, ракурсовая, манифестационная, ориентационная, интеракционная, квантитативная, конструктивная и темпоральная. В вертикальной дифференциации возникают стили, выделяемые еще с тех времен, когда стилистика была составной частью риторики: высокий, средний и низкий стиль (далее в рамках каждого из них разграничиваются подтипы, скажем высокий делится на торжественный, возвышенный, парадный, патетический и т.п.). В медиальной дифференциации создаются письменные и устные стили. Исходным пунктом эстетической дифференциации является качественная оценка языкового выражения, в результате чего возникают (1) положительно воспринимаемые стили (хороший, разнообразный, красивый, образцовый, точный, богатый, ясный стиль), (2) отрицательно воспринимаемые стили (плохой, нехороший, неясный, бедный, однообразный... стиль), (3) нейтрально воспринимаемые стили (обычный, немаркированный стиль).

Ракурсная дифференциация создает объективный и субъективный способ выражения (объективный и субъективный стиль). В манифестационной дифференциации выделяются потенциальные и реализованные стили в языке и речи (языковые и речевые стили). В ориентационной дифференциации различаются стили на основе телеологической установке, порождающей стилевую конструкцию, реконструкцию, деструкцию, проскрипцию, дескрипцию и соответственно появляется конструктивный, реконструктивный, деструктивный, проскриптивный, дескриптивный стиль. Темпоральная дифференциация отражает исторические стадии развития стилей и дает соответствующие стили (стиль столетия, десятилетия...; классический, романтический, реалистический, сюрреалистический... стиль) или временную маркировку (архаический, новый стиль). Интеракционная дифференциация дает различные типы изложения (идиолекты) в зависимости от характера отношений между участниками коммуникации (фамильярный, интимный, официальный, холодный, вежливый, иронический стиль). Квантитативная дифференциация генерирует стили по количественному принципу (экономичный, лаконичный, телеграфный, избыточный... стиль).

Каждая упомянутая стилистическая дифференциация проявляет национальные особенности. Так, в медиальном расслоении строгая регламентация стремится охватить не только письменные стили, но и устные. Например, стилистическая неопаспортизация хорватского языка все больше проникает и в устные формы функциональных стилей, создавая на межъязыковом

уровне (по отношению к сербскому и хорватскому) новые дифференции. Пуристы стремятся, чтобы все не только писали, но и говорили на хорватском письменном новоязе, очищенном от сербских элементов и англицизмов (в первую очередь), стремятся, чтобы и в устной речи использовались сугубо „хорватские” слова, нейтральные и экспрессивные. То же стремление наблюдается в бошняцком языке, хотя в нем межнациональное отгалкивание имеет более мягкий и тонкий характер. В сербском языке существует также тенденция навязывания устным стилям элементов письменной речи, хотя здесь меньше, чем в хорватском и бошняцком интеркорреляционного сопротивления.

В эстетической дифференциации национальный компонент особенно сильно проявляется в форме дихотомии „свое” – „чужое”, причем хорошим, образцовым считается прежде всего то, что выражает и/ли подчеркивает национальный дух, характер языка. Чем больше „своего” (сербского, хорватского, бошняцкого, черногорского), тем больше положительно воспринимается определенный стиль (конечно, не всеми). Во времена хаоса, анархии, межнациональных столкновений и братоубийственных войн эта категориальная пара выступает в первый план и считается чуть ли не главной. Данная стилистическая поляризация происходит по принципу контраста: белое – черное, причем первое закрепляется за своим, а второе за чужим.

В ориентационной дифференциации штокавские национальные стили проявляют свои своеобразия. Операционные процессы на языковом уровне (деструкция, конструкция, реконструкция) прямо и сильно отражаются и на стилистическом уровне и создают национально окрашенный деструктивный, конструктивный, проструктивный и реконструктивный стили. Например, в рамках хорватского языка наблюдается процесс заметной деструкции (разрушаются наднациональные нормы бывшего сербохорватского языка) и конструкции (создается новая мононациональная норма), в сербском незначительная реконструкция, умеренная модификация (нерадикальное обновление стандарта бывшего сербохорватского языка), в бошняцком конструкция (впервые создается норма, причем мононациональная).

Темпоральная дифференциация, окрашенная временем, когда она происходила, усиливает свои позиции в национально направленных стремлениях вернуться к стилю/стилям изложения предыдущих эпох. На хорватской стороне наблюдаются три такие тенденции: 1. – возврат к стилям изложения, существовавшим в рамках квислингского Независимого

Государства Хорватии (1941–1945), самая крайняя, радикальная, 2. возврат к стилям доюгославского периода (до 1918), довольно сильно выраженная, 3. возврат к стилям довуковского периода (периода реформ Вука Караджича в середине XIX в.), менее актуальная. Одна из доминант такого процесса является оживление старых, забытых слов (т. наз. *oživljenje*). В результате хорватские национальные стили становятся более архаичными и одновременно иногда менее понятными для простых носителей языка. На бошняцкой стороне подобная тенденция получает более скромные масштабы из-за небольшой традиции в кодификации языка, что не препятствует поиску компенсации на другом месте. Некоторые радикальные бошняки предпринимают необычные, непонятные и, на наш взгляд, контрапродуктивные попытки доказать, что бошняцкий язык старше и сербского и хорватского языков. Это сразу имплицитно выводит о том, что функционально-стилистическая дифференциация бошняцкого языка происходила раньше, чем сербская и хорватская. Но для этого надо доказать (!!!), что наука, публицистика, дипломатия, делопроизводство и другие важнейшие сферы человеческой деятельности появились раньше у бошняков, чем у сербов и хорватов.

Квантитативная дифференциация (расслоение языка по количественному принципу) имеет также свои национальные своеобразия. В хорватских стилях упор делается на увеличение „domoljubnih riječi” (‘слов, выражающих любовь к отечеству’), в бошняцких на „автохтонных бошняцких”, а в сербских в духе крылатого выражения „Govori srpski da te ceo svet razume” (‘Говори по-сербский, чтобы тебя весь мир понял.’). В результате усиливается избыточность элементов, выражающих и подчеркивающих национальный дух, этнические черты и достоинства. При этом в первый план выступают высказывания, подчеркивающие национальную гордость: „Вот так мы (сербы/хорваты/бошняки/черногорцы) говорим”, „Вот это наш (настоящий) национальный стиль”. Вообще, избыточность может быть обусловлена коммуникативными потребностями (в борьбе против помех), стилистическими соображениями (создание экспрессии при помощи различных повторов, напр., тавтологии и плеоназма), она может быть необходимой, нужной (коммуникативная избыточность), желательной (сознательная, нарочитая, стилистическая избыточность) и нежелательной (ненужный повтор языковых единиц, нагромождение одних и тех же слов, выражений и конструкций). Стилистика поощряет избыточность, направленную на создание эф-

фекта, и борется против случайной, необдуманной избыточности⁴. Национальная избыточность стиля не имеет утилитарной почвы (говорить более понятно, эффективно), а также функциональной (улучшить, облегчить общение). Ее основная функция – этническое самоутверждение и самоподтверждение, т.е. чисто символическая. Беспристрастный посторонний наблюдатель это иногда может восприниматься как межнациональное упрямство (*međunacionalno inaćenje*), вызывающее особый стиль – упрямственный (*inadžijski stil*).

10. Функционально-стилистическая дифференциация языка является самым широким и самым сложным стилистическим и языковым расслоением, порождаемым основными видами человеческой деятельности – искусством (словесным), наукой, публицистикой, делопроизводством, правом, политикой и повседневным общением. Основной тип такого членения – функциональный стиль (литературно-художественный, научный, публицистический, официально-деловой, разговорный). В некоторых случаях создаются функциональные комплексы (сакральный, военный и др.). Отдельные формы дифференциации находятся на границе, в серой зоне двух или трех функциональных стилей и образуют межстили (эпистолярный, ораторский, рекламный, мемуарный...). Наконец, каждый функциональный стиль имеет свой набор подстилей и жанров.

11. Эти типы функционально-стилистической дифференциации обладают специфическими национальными чертами. Что касается штокавских языков, самое значительное проявление национальных черт в последние два десятилетия произошло в функциональных стилях, которые больше других находились под наблюдением, влиянием и нажимом социальных институтов (органов власти, общественных и политических организаций) – в публицистическом и официально-деловом.

12. Литературно-художественный стиль всех четырех народов не перенес столь радикальные изменения как два упомянутых. Основное изменение

4 Лишь одна отрасль стилистики проявляет толерантность к такому явлению – это интернет-стилистика, так как в сетевых жанрах надо увеличивать число ключевых слов до 5–7% процентов, чтобы поисковые машины (роботы) могли данный текст заметить и проиндексировать.

вызваны тем обстоятельством, что основой этого стиля является литературный язык, и любое изменение нормы, стандарта отражается и на данный стиль. Поэтому писатели и поэты Боснии и Герцеговины, Сербии, Хорватии и Черногории должны были с девяностых годов XX в. придерживаться не норм общего наднационального сербохорватского языка, а норм четырех отдельных национальных литературных языков (сербского, хорватского, бошняцкого и черногорского), возникших на его почве. Но критерий обязательного соблюдения правил литературного языка здесь является относительным, так как авторы художественных текстов находятся в более благоприятном положении, чем авторы текстов других письменных функциональных стилей (научного, публицистического и официально-делового) – из-за широкой свободы выбора писатели и поэты могут по-разному относиться к литературному стандарту (полностью соблюдать нормы, нарушать их, игнорировать, противостоять им и т. п.).

Научный стиль отличается полным соблюдением норм литературного языка. Он должен следить и выражать все изменения в стандарте данного языка, в том числе и самые радикальные, навязываемые агрессивным пуризмом. Иными словами, в том литературном языке, в котором существенно меняется норма, существенно меняется и языковая основа его научного стиля. Следует вывод: надо ожидать (а это подтверждает и речевая практика) гораздо больше изменений в научном стиле хорватского и бошняцкого, чем сербского языка. Несмотря на это сохраняются актуальными во всех национальных стилях общие, глобальные стилистические нормы (объективность, истинность, аргументация, доказательство, композиционная структура и т. п.), так как они являются универсальными и не зависят от национальной специфики любого языка.

Публицистический стиль представляет собой особенно важную мишень для проникновения национальных идей, компонентов, тенденций, направлений. Помимо других функций, характерных для всех других функциональных стилей, он выполняет две для него характерные – агитацию и пропаганду политики, идеологии, религии и др. Еще одна особенность сильно проявляется в нем – ни у одного другого функционального стиля нет такой широкой аудитории (аудитории, покрываемой газетами, журналами, радио и телевидением). Упомянутые функции (агитация и пропаганда) в сочетании с максимальной публичностью и огромной емкостью каналов связи создают из него мощнейшее средство на национальном уровне – для пропаганды национальных интересов, национальной политики,

национальных взглядов и идей. Это особенно сильно выступает в первый план в обостренных конфликтных ситуациях и в многонациональных обществах, что лучше всего иллюстрируют военные конфликты в бывшей Югославии в девяностые годы XX столетия. Тогда публицистический стиль стал сильным средством для передачи информации, которая была в национальных интересах, несмотря на ее правдивость, корректность и объективность („цель оправдывает средство“).

Параллельно с войной оружием началась не менее острая и опасная война словами. Одним из результатов такой ориентации стал язык ненависти. Он был направлен не только против людей другой нации и религии, но и против „своих“, предавших (широкие) „национальные“ интересы. В такой грязной атаке участвовали (разумеется, не все) параллельно три типа авторов: 1. журналисты, 2. политики и 3. рядовые читатели, слушатели и зрители. Первые злоупотребляли своей профессией и сознательно передавали дезинформацию, полуправду и чистую ложь. Вторые (особенно ультранационалисты) использовали печать, радио и телевидение как трибуну для разжигания межнациональной розни и ненависти, проявления агрессивного национализма и шовинизма. Третьи включились в эту ненормальную и неморальную публичную деятельность тенденциозными письмами и выступлениями в прямом эфире, иногда находящимися далеко за пределами культурного, цивилизованного и толерантного общения. Такое противоборство происходило по принципу „всех против всех“ (бошняки против сербов и хорватов, сербы против хорватов и бошняков, хорваты против бошняков и сербов). В результате ни в одном другом функциональном стиле не произошло такое сильное засорение и эстетическое разорение.

По мере того как утихали национальные страсти, прекращались военные конфликты, уходили к счастью в задний план такие иррациональные и контрапродуктивные явления и тенденции, а в первый план выступали жизненно важные вопросы. Публицистический стиль бошняков, сербов, хорватов и черногорцев постепенно стал освобождаться искусственного балласта и ненормальных рамок существования, а национальный компонент постепенно превращался из высшего критерия (критерия над критерием), в критерий, который характеризуется уравновешенностью по отношению к другим, свойственной публицистическому стилю цивилизованных, культурных обществ. Несмотря на это вплоть до настоящего времени этой стиль находится под пристальным вниманием, контролем и опекой

политических течений самой различной ориентации, в том числе и национальной. Сохраняется и цензура, приобретшая в девяностые годы XX в. грандиозные и трагикомические размеры.

Самая сложная ситуация создалась в Боснии и Герцеговине. На этой территории в СМИ противоборствовали в вынужденном и искусственном сосуществовании три литературные нормы (бошняцкая, сербская, хорватская), вызывающие различия в стилистических нормах и порождающие неодинаковый статус отдельных единиц языка. То, что в стиле бошняков, сербов и черногорцев до этого имело одинаковый стилистический паспорт, теперь радикально начинает меняться и в одном языке слово становится нейтральным, а в другом маркированным. Здесь особенно сильно проявляются и выступают в первый план этноэкспресемы – стилистические окрашенные единицы, используемые для подчеркивания и подтверждения данного способа выражения как национального. При этом коммуникативная стратегия меняется следующим способом: не выбираются средства, которые бы более точно, наглядно, корректно или просто передали мысль, а выбираются те, которые бы лишь показали, что данный язык является (а) сербским, а не бошняцким и/ли хорватским, (б) бошняцким, а не хорватским и/ли сербским, (в) хорватским, а не бошняцким и/ли сербским.

Такая ориентация порождает национально-стилистическую гомогенизацию, суть которой состоит в сплочении общества только вокруг того, что является национальным. Все интернациональные, общее, объединяющее исчезает или уходит в задний план. Подобная установка вызывает и „сопутствующий ущерб” (*kolateralna šteta*) – самые безобидные слова и выражения становятся „сомнительными лицами” (*sumnjiva lica*; Бранислав Нушич) и подвергаются неоправданной чистке. Радикальное и тенденциозное изменение языковой и стилистической ориентации приводит к языковому и стилистическому редуccionизму и протекционизму. Это создает целый ряд отрицательных побочных эффектов. Один из них состоит в том, что происходит межнациональное размежевание на стилистическом уровне. Если одна нация сознательно отталкивается в языковом и стилистическом отношении от другой, то отталкиваемая нация начинает отрицательно воспринимать язык и стиль отталкивающей нации.

Ярким примером является изменение языка и стиля вещания сараевского Федерального телевидения. В своих информационных передачах, особенно в центральном „Дневнике”, оно настолько наглядно и демонстративно использовало хорватские и „выдворяло” сербские слова и выражения, что

человеку. прожившему не одно десятилетие в Сараеве казалось, что он смотрит передачу из Загреба, причем на крайне подчеркнутом хорватском языке. Такая ориентация не укладывается в (на словах провозглашенный) принцип открытости бошняцкого языка для всех народов Боснии и Герцеговины, потому что ставится вопрос: как нация А может воспринимать своим или близким язык нации Б, которая всеми силами старается нейтрализовать, убрать то, что „пахнет” языком и стилем нации А? Но здесь надо добавить и то, что в публицистическом стиле существует много примеров, когда авторы чувствуют, уважают и находят границу между (а) подтверждением нации и национальной ненавистью, (б) проявлением настоящих национальных чувств и выражением национальной ксенофобии, национализма и шовинизма.

Официально-деловой стиль является прямым продолжением и выражением органов власти, общественных и политических организаций, поэтому здесь очень сильно проявляются все национальные тенденции и изменения в литературной норме. В данном стиле особенно заслуживает внимание попытка в рамках хорватского языка превратить его в образцовый и таким образом вытеснить с этой позиции литературно-художественный.

Разговорный стиль близок своей свободой выбора к литературно-художественному стилю, и поэтому и в нем обязательность литературных норм и ее изменений не имеют абсолютного, общеобязательного характера.

13. Среди функционально-стилистических комплексов особое внимание заслуживают сакральный и военный. Они отличаются друг от друга различными типами изменений. Сакральный комплекс в своей интрастилистической структуре модифицировался лишь для того, чтобы, как и другие функционально-стилистические разновидности, соблюдал и использовал нормы, созданные в рамках нового национального стандарта. Но более значительные изменения произошли на экстрастилистическом уровне, вызванные переменами в социуме, а именно: в новом общественном строе атеизм уступил место теизму, в результате чего для всех трех штокавских религий (исламской, католической и православной) открылись огромные возможности для экспансии во все неконфессиональные типы речи. Элементы религиозного языка всех трех нации (как правило, не через многонациональные, а мононациональные каналы связи) стали интенсивно проникать во все функциональные стили, так что можно говорить о заметной трехчленной теизации функциональных стилей – ортодоксизации сербских

и черногорских, католизации хорватских и исламизации бошняцких. Кроме того, параллельно происходила стилистическая депаспортизация на этой же почве: язык атеизма полностью или частично исчезает из активного употребления, переходя в пассивный запас языка, а его место занимают элементы религиозного языка.

У военного комплекса нет и не было такой экстрастилистической экспансии (она была актуальной лишь во время военных конфликтов). На интрастилистическом уровне произошли значительные изменения только в языках, радикально порвавших связь со старым стандартом или создавшим новый или совсем новый – в хорватском и бошняцком. Здесь решающим фактором было то обстоятельство, что у хорватов и бошняков появились свои, мононациональные армии. На хорватском стороне произошло сильнейшее отталкивание от языка бывшей Югославской народной армии, который в новом хорватском государстве воспринимался как язык сербов и „язык агрессоров”. Поэтому началась интенсивная работа по созданию хорватской военной терминологии на сугубо национальной основе. Другая важная часть военного языкового комплекса – язык командования стал также национальным, т. е. чисто хорватским и без „сербских” примесей. У другого языка с радикальным кодификационным поворотом (бошняцкого) не было, как на хорватской стороне, традиции в создании своего, национального стиля командования (например, Независимое государство Хорватии имело с 1941 по 1941 гг. свою армию), поэтому пришлось выбирать то, что раньше было (язык Югославской народной армии), то, что было в распоряжении в данный момент в своем национальном языке или то, что можно заимствовать из языке соседей (сербов и хорватов; язык „агрессор”, привязанный к сербам, почти сводил на нет такую возможность). Но ситуация поменялась радикальным образом созданием одной (многонациональной) армии на всей территории Боснии и Герцеговины. Это лишь на первый взгляд облегчило ситуацию, так как надо было решать другой не менее сложный вопрос: какой язык команд использовать для стоящих в одном ряду солдат из различных наций. Что касается сербского военного комплекса, он радикально не изменил свою структуру, а лишь приспособился к новой общественной, политической и идеологической обстановке.

14. В заключение можно сказать следующее. Вопрос о соотношении понятия литературный язык ↔ национальный язык является очень сложным и комплексным. Национальный язык – это единство двух типов языка:

литературного и нелитературного. Если национальный язык – язык определенной нации, то национальный стиль – совокупность экспрессивных и функционально-стилистических ресурсов одного национального языка. За каждым национальным языком стоит определенный национальный стиль. Любая нация, развивающая полифункциональный язык, развивает и свой особый национальный стиль. Национальный стиль состоит из двух основных типов – литературного и нелитературного. Так как каждый стиль отличается двумя фундаментальными свойствами – экспрессивностью и функционально-стилистической окраской, национальные стили также содержат эти компоненты, но в различном объеме. Все национальные стили обладают той или иной степенью экспрессивности, но не все национальные стили обладают функционально-стилистической окраской. Экспрессивность национальных стилей состоит из двух разновидностей: кодифицированной (в литературном языке) и некодифицированной (в спациолектах, социолектах и просторечии). Стилиевая дифференциация языка порождает различные типы, обладающие специфическими национальными чертами.

Среди этих разновидностей выделяются функциональные стили. Что касается штокавских языков, самое значительное проявление национальных черт в последние два десятилетия произошло в функциональных стилях, которые больше других находились под наблюдением, влиянием и нажимом социальных институтов – в публицистическом и официально-деловом. Литературно-художественный стиль всех четырех народов не перенес столь радикальные изменения. В том языке, в котором существенно меняется норма, существенно меняется и языковая основа его научного стиля, поэтому надо было ожидать гораздо больше изменений в научном стиле хорватского и бошняцкого, чем сербского языка. Публицистический стиль является особенно важной мишенью для проникновения национальных идей, компонентов, тенденций, направлений. Помимо других функций он выполняет две для него характерные – агитацию и пропаганду. Кроме того, ни у одного другого функционального стиля нет такой широкой аудитории. В официально-деловом стиле особенно заслуживает внимание попытка в рамках хорватского языка превратить данный стиль в образцовый и таким образом вытеснить с этой позиции литературно-художественный. Облигаторность литературных норм и изменений не имеют абсолютного, общеобязательного характера в разговорном стиле. Среди функционально-стилистических комплексов особое внимание застуживают сакральный и военный. В новом общественном строе атеизм уступил место теизму, в

результате чего открылись огромные возможности для экспансии во все неконфессиональные типы речи. Язык атеизма полностью или частично исчезает из активного употребления, переходя в пассивный запас языка, а его место занимают элементы религиозного языка. Что касается военного комплекса, произошли значительные изменения только в языках, радикально порвавшие связь со старым стандартом или создавшие новый или совсем новый.

National Style as a Manifestation of the National Languages of Serbs, Croats, Bosniaks and Montenegrins

This paper addresses the following questions: 1) what is the national language, 2) what is the relation between national language and standard language, and 3) how and to what extent is the national style associated with the national language and standard language. According to the author, there are two basic types of national styles – literary (standard) and non-literary (nonstandard). Each national style characterizes two national markings – the expressive and functional stylistic. In the main part of the analysis the basic expressive functional stylistic differences between the national styles of Štokavian peoples (Serbs, Croats, Bosniaks and Montenegrins) are demonstrated.

Key words: national style, national language, expressive stylistic, functional stylistic, Serbs, Croats, Bosniaks, Montenegrins.